

Utro Russii. 1912, December 4, p. 6.
Утро России. 1912, 4 декабря, с. 6.

In concerts.

Philharmonic concert.

In recent years, S. V. Rachmaninoff's conducting talent has developed with particular brilliance.

Each concert conducted by our artist has become a kind of event for the public interested in music. They eagerly await the performance of S. V. Rachmaninoff or another work, making assumptions about how it will be interpreted by the conductor, what new illumination, what new details the magic wand of the Moscow musician will reveal in it.

Among specialists in the field of S. V. Rachmaninoff as a conductor, there are no two opinions. It is clear to everyone that he has long since outgrown all conductors, both true Russian and Russian-subject, and has become on a par with the greatest figures of Western conducting art. With Nikisch, Muck, Weingartner, Mengelberg and others.

Muscovites have often heard Nikisch and Rachmaninoff perform the same work back-to-back. Recall, for example, Richard Strauss's "Don Juan." It's positively difficult to say which of the two performances was better. While Nikisch's delivery displayed a distinctive brio, Rachmaninoff's was striking in its nobility, graceful masculinity, and ardent conviction. In general, the enormous power, the charm of S. V. Rachmaninoff's conducting (and, of course, piano playing) lies in his unusually accurate sense of the work he is performing and his intense, exhaustively profound experience of it. The depth and power of this experience are transmitted to the audience, acting on it like hypnosis, and wielding arbitrary power over it.

Under such conditions, nothing, it would seem, prevents S. V. Rachmaninoff from calmly making his triumphant conducting procession throughout the world.

But S. V. Rachmaninoff is not only a conductor. He is also a composer.

And sometimes the muse powerfully draws him to herself.

Now is just such a moment. S. V. Rachmaninoff is leaving Russia for a whole year in order to devote himself entirely to his compositional inspiration abroad, without interference.

The role of S. V. Rachmaninoff in contemporary Russian music is so significant that everything related to it, whether it be a pianist, conductor, or composer, is valuable and of outstanding interest.

But despite the fact that it is somehow bitter to think about the long separation from the charming artistic personality of S. V. Rachmaninoff. And many, I believe, along with me, will impatiently await the return to the homeland of the greatest Russian conductor.

At the fifth concert of the Philharmonic he performed for the last time before his departure. The orchestral program of the evening, which consisted of works by Borodin, Glazunov, and Rimsky-Korsakov, was excellent.

Borodin's second symphony in B minor, under the influence of S. V. Rachmaninoff, truly lived up to its nickname: "The Bogatyr Symphony." A powerful, epic force was felt in its first movement; a characteristic Scherzo flashed, the broad Andante flowed freely; and the ringing, riotous finale sparkled and glittered. And throughout, one could discern Rachmaninoff's penetrating insight into the essence of the piece: a vividly revealed Russian style, a brilliant form of transmission, a mass of wonderful details, temperament, and endless inner strength.

After Borodin's chain mail and swords, Glazunov's soft "Spring" was played. In it, the conductor subtly conveyed the melting of the last snow, and young flowers, and the cheerful chirping of birds, and the azure days of May, the dazzling blossoming of rosy spring.

However, the best performance was given by Rimsky-Korsakov's "Battle of the Kerzhenets". Here the picturesqueness and vividness of the performance of the brilliant music reached its climax, captivating the audience.

The public said goodbye to the departing S. V. Rachmaninoff with endless calls and ovations...

The soloist of the evening, an old acquaintance of Moscow, Mr. Casals, played Dvorak's cello concerto well, as always, had great success and was obliged to give the encore. [...]
M. Bagrinovsky.

[Translation: Google]

Въ концертахъ.

Филармонический концерт.

За послѣдніе годы дирижерскій талантъ С. В. Рахманинова развернулся съ особеннымъ блескомъ.

Каждый концертъ подъ управленіемъ нашего артиста сталъ для публики, интересующейся музыкой, своего рода событіемъ. Исполненія С. В. Рахманиновымъ или иного произведенія ждуть нетерпѣливо, дѣлаютъ предположенія относительно того, какъ оно будетъ истолковано дирижеромъ, какое новое освѣщеніе, какія новыя детали откроетъ въ немъ волшебная палочка московскаго музыканта.

Среди специалистовъ о С. В. Рахманиновѣ, какъ о дирижерѣ, нѣтъ двухъ мнѣній.

Всѣмъ ясно, что онъ давно уже и на много переросъ всѣхъ и русскихъ настоящихъ и русско-подданныхъ, диригентовъ и сталъ наравнѣ съ крупнѣйшими величинами. западнаго дирижерскаго искусства. Съ Никишемъ, Мукомъ, Вейнгартнеромъ, Менгельбергомъ и прочими.

Москвичамъ не разъ приходилось слышать подрядъ исполненіе одного и того же произведенія Никишемъ и Рахманиновымъ. Вспомнимъ хотя бы „Донъ-Жуана“ Р. Штраусса. Положительно трудно сказать, какое изъ этихъ двухъ исполненій было лучше. Если у Никиша замѣчалось какое-то особое brío передачи, то у Рахманинова она поражала своимъ благородствомъ, изящной мужественностью и горячѣй убѣдительностью.

Вообще же вся громадная сила, все -обаяніе дирижерства (да, конечно, -игры на фортепіано) С. В. Рахманинова заключается въ томъ, что онъ необычайно вѣрно чувствуетъ и интенсивно, исчерпывающе глубоко переживаетъ исполняемое имъ произведеніе. Глубина и мощность этого переживанія передаются публикѣ, дѣйствуютъ на нее, какъ гипнозъ, и произвольно властвуютъ надъ ней.

При такихъ условіяхъ ничто, казалось бы, не мѣшало С. В. Рахманинову спокойно совершать по всему міру свое триумфальное дирижерское шествіе.

Но С. В. Рахманиновъ не только дирижеръ. Онъ и композиторъ.

И порою муза властно влечетъ его къ себѣ.

Теперь какъ разъ такой моментъ. С. В. Рахманиновъ на цѣлый годъ покидаетъ Россію съ тѣмъ, чтобы за границей безъ помѣхъ, всецѣло отдаться композиторско-му вдохновенію.

Роль С. В. Рахманинова въ современной русской музыкѣ настолько крупна, что все, относящееся сюда, — будь то піанистическое, дирижерское, композиторское выступленіе, — все цѣнно, все представляетъ выдающійся интересъ.

Но несмотря на то, какъ-то горько думать от долгой разлукѣ съ обаятельной артистической личностью С. В. Рахманинова. И многіе, полагаю, вмѣстѣ со мною, нетерпѣливо станутъ ждать возвращенія на родину величайшаго русскаго дирижера Т

В пятомъ концертѣ филармоніи онъ выступилъ въ послѣдній разъ передъ своимъ имъ отъѣздомъ.

Оркестровая программа вечера, состоявшая изъ сочиненій Бородина, Глазунова, Римскаго-Корсакова, прошла превосходно.

Вторая, h-moll'-ная, симфонія Бородина, подъ взмахами С. В. Рахманинова дѣйствительно оправдала свое прозвѣще: „Богатырская симфонія“. Могучая, эпическая сила чувствовалась въ первой ея части; характерно мелькнуло, Scherzo", привольно разлилось широкое „Andante"; и за-сверкаль, заискрился звенящій, разгульный финаль. А на всемъ замѣчался отпечата-рахманиновскаго проникновенія въ суть вещи: ярко выявленный русскій стиль, блестящая форма передачи, масса чудесныхъ деталей, темпераментъ, внутренняя сила безъ конца.

Послѣ Бородинскихъ кольчугъ и мечей шла мягкая „Весна" Глазунова. Въ ней дирижеръ тонко далъ почувствовать таянье послѣдняго снѣга, и молодые цвѣты, и веселое щебетанье птицъ, и лазурь майскихъ дней, ослѣпительный расцвѣтъ румяной весны.

Лучше всего однако прошла „Сѣча при Керженцѣ" Римскаго-Корсакова. Здѣсь картинность и яркость исполненія гениальной музыки дошли до кульминации, захватили залъ.

Безконечными вызовами и оваціей публики простилаась съ уѣзжающимъ С. В. Рахманиновымъ...

Солистъ отчетнаго вечера, старый зна-комый Москвы, г. Казальсъ, хорошо, какъ всегда, сыгралъ віолончельный концертъ Дворжака, имѣлъ большой успѣхъ и долженъ былъ биссировать. [...]

М. Багриновскій.